

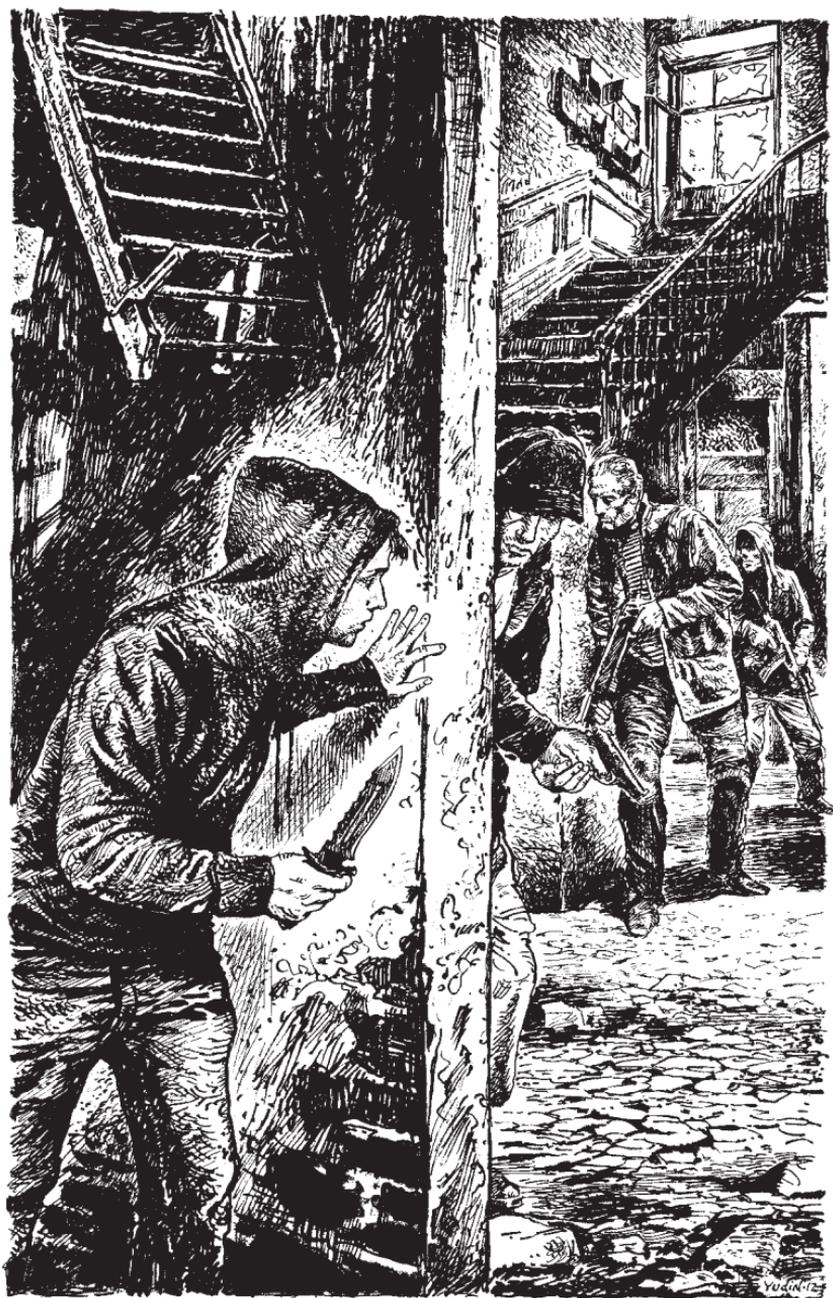

Книги Эдуарда Катласа
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

СОЗДАТЕЛИ

Цикл
«ЭКЗО»

**ЭКЗО
ПОРЯДОК ДОСТАВКИ
ТОЧКА ЗАКАТА**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЭДУАРД КАТЛАС
**ТОЧКА
ЗАКАТА**

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К29

Серия основана в 1992 году
Выпуск 770

Художник
О. Юдин

Катлас Э.
К29 Точка Заката: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 345 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1191-7

Мир обрушился не потому, что на Землю упал метеорит. Его погубила не глобальная эпидемия. Цивилизацию стубили мелочи, сущие пустяки. Шквал пустяков вроде гриппа и тактических ядерных зарядов. Вроде ошибок ученых и медлительности властей. Вроде нежелания поверить в происходящее. Человек не верит в собственную смерть, хотя и знает о ней. Человечество не может осознать свою гибель, даже когда она прямо на экранах.

В мире, который гибнет, тоже приходится жить. Переставая замечать все то, что творится вокруг, свыкаясь с мыслью, что все происходящее и есть норма. Молодым выжить проще. Они и не видели другого мира и другой жизни. Именно им придется построить все заново. Из того, что осталось.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1191-7

© Эдуард Катлас, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Истинное настоящее — это неуловимое движение вперед прошлого, которое поглощает будущее. По сути, все ощущения — это уже память.

Анри Бергсон

Будущее проникает в нас еще до его наступления.

Райнер Мария Рильке

ПРОЛОГ

Этот город разрушен. Этой страны больше нет. Этот мир — обречен.

Эти люди мертвы или на пути к смерти.

Власти, порядок, закон — все это осталось где-то там, когда-то раньше. Скрылось за перевалом, возникшим над временем.

Мир, покой, семьи и родные — отсечены от нас невидимой, но отчетливой чертой.

Мечты закончились точкой, не подразумевающей продолжений.

Мне сложно сказать, где именно она ткнула себя в наши желания, разом оборвав их. Наверное, если начинать размышлять, то точки, как таковой, и не было. Скорее — длинная пунктирная линия, перечеркивающая все. Каждый штришок — чья-то зачеркнутая жизнь, мысль, слово, воспоминание.

Но когда-нибудь в будущем все это время, все эти страдания, вся боль и смерти, мимо которых мы идем, покажутся кому-то лишь точкой в тексте времени. Точкой Заката, если хотите.

Рана в ноге подживает, но лучше все же вколоть еще одну ампулу, просто чтобы чуть отогнать грызущую боль. Чтобы я не сдурел от этой боли, не отправился в забвенье. Нельзя закрывать глаза, потому что мой бой еще не закончен, хотя наша война — давно уже проиграна.

Последних людей я видел давно и только в оптическом прицеле, и, знаете, мне как-то не хочется приближаться к тем, кого я видел. К тому, что я видел.

С этой часовни удобно следить за окрестностями. А за ними надо следить. Не подпускать никого, вообще никого. Зараза везде, и нельзя давать ей проникнуть в мое убежище.

Надо писать. Я не историк, тем более не политик, которому нужны мемуары. Мне неинтересно класть на бумагу то, что было раньше, до той самой точки, в которой оказался этот мир. В английском есть два разных слова — одно для настоящего заката, другое — только для упадка. У нас — одно. Жаль. Не хочется обижать закат, тот, что на небе, не хочется обижать солнце. С удовольствием бы еще раз посмотрел, как оно заходит.

Может, если продержусь здесь еще немного, то хотя бы это желание исполнится. До заката недолго.

Я не хочу, но должен записать все.

Я обещал. Записать абсолютно все о нашем будущем. Должен рассказать, что нас ждет, и подготовить тех, кто выживет, остатки нашей убогой расы к тому, что предстоит.

Но раз за разом я возвращаюсь назад. Ко всему тому, что привело меня сюда, в эту точку этого города. В эту точку времени.

Точку Заката.

Часть первая

ПРИЗЫВ

Риэ вспомнил, что любая радость находится под угрозой. Ибо он знал, чего не ведала эта ликующая толпа и о чем можно прочесть в книжках, — что микроб чумы никогда не умирает.

Альбер Камю. Чума

ГЛАВА 1

Я рос хилым ребенком, и это постоянно подстегивало меня. Мое слабое телосложение звало меня на баррикады, требовало подвигов.

Я всегда хотел доказать окружающим, что могу не хуже них. Не меньше них. Не медленней. Что тело — не самая важная деталь в гардеробе.

Мой невеликий рост смешил одноклассников, и я играл в баскетбол. И меня брали в любую команду — потому что, возможно, я и был невысоким, но зато я попадал. Всегда. С любого места в трехочковой зоне. Поэтому мое участие в игре всегда заканчивалось одним и тем же — ко мне приставляли дылду с единственной задачей: не дать мне взять мяч, не дать мне его кинуть.

Уже большая победа для команды, когда на тебя отвлекаются наглухо один или даже два игрока соперника. Хороший тактический ход. А ведь иногда я еще умудрялся все же сбежать от опеки и подкинуть мяч в корзину.

Для меня в то время все казалось сложным. Мир — враждебным, сверстники — злыми. Возможно, так оно и было. Все познается в сравнении.

Сейчас я вспоминаю те годы, словно лучшие в моей жизни.

Они и были лучшими.

Мир медленно катился в преисподнюю, но я этого не

замечал. Потому что все было — как всегда. Новости пугали из Сети и с экранов телевизоров. Улицы оставались ровно такими, как всегда: опасными, недружелюбными и страшными.

Почти ничто не менялось. А если и менялось — то только в худшую сторону. Но когда все постоянно катится по наклонной плоскости вниз, то в этом тоже есть некая стабильность? Ты всегда знаешь, что завтра будет хуже, чем сегодня, потому что сегодня хуже, чем было вчера.

Так чего же в этом неожиданного? Чего странного? Заурядные события, не более. Надо привыкать выживать, вот и все.

Никакого апокалипсиса, просто тихое сползание в пропасть. Никакого конца света — просто цепь событий в новостной ленте, на которую перестаешь обращать внимание, потому что они теряют новизну.

Когда школу закрыли на карантин, я лишь обрадовался. Когда карантин несколько раз продлили, я тоже не сильно расстроился. Образование полностью перевели в дистанционное, иногда можно было даже поговорить с учителем, хотя в основном приходилось лишь отправлять ему выполненные задания и получать новые. Слушать курсы. Читать заданную литературу.

Мама пыталась помогать мне в учебе, как могла, дома. Хотя по большинству предметов очень скоро это занятие ей пришлось бросить — она честно призналась, что школьная программа старших классов выше ее понимания.

Но всегда оставалась литература, классическая и современная, музыка, даже живопись. Мама пыталась, не умея сама, учить меня даже этому. По пособиям, так сказать.

Было смешно, и мы смеялись вдвоем.

Ну а отец — за отцом оставались уроки труда. Вынести мусор, починить кран на кухне, поменять масло в машине.

Когда в пригородах центра соседней области какие-то

борцы за чью-то свободу подорвали тактический ядерный заряд, я испугался. Триста тысяч погибших в одно мгновение — и нам пришлось неделю отсиживаться дома, потому что по всем каналам только и говорили о радиоактивном облаке.

Но для меня это тоже никак не являлось признаком конца света. Так — неприятность. Такое случалось и раньше. Просто на этот раз рвануло близко, ближе обычного, вот и все.

Меня даже не интересовало, кто, что и кому хотел доказать, отправив в одночасье в лучший мир столько людей.

А школа так и не открылась. Отец сказал, что власти просто боятся, потому что не успеют ее открыть, как на город налетает какая-нибудь новая эпидемия.

Помню, как мы первый раз посетили магазин «Наноздоровье». Отец хорошо зарабатывал и мог себе позволить неплохо содержать семью, но туда мы пошли только после взрыва тактики. Радиационный фон повысился, и отец сказал, что у нас просто не остается никаких других шансов.

— Нам только базовые прививки, пожалуйста, — твердо, как он считал, сказал отец в магазине.

Красивый магазин, один из немногих, в котором всегда были посетители. Хотя, согласно новому карантинному уставу, что выпустил мэр, их старались сразу разводить по разным кабинетам.

Мы и сидели в таком кабинете — мы и врач, или механик, или продавец. Тогда мне было без разницы.

— Нейтрализация действия радиации, — даже не спрашивая, а утверждая, кивнул продавец. — Конечно. Нам как раз подвезли расширенную партию новых бланков... извините, прививок. Вам бы я предложил на выбор три варианта: годовую... прививку, которая позволит продержаться, пока уровень радиации не придет в норму. Пожизненную прививку, чтобы вас вообще больше не тревожила радиация. Времена нынче нестабильные, лучше быть готовым ко всему. И третий вариант — прививка,

в маркетинговых целях мы назвали ее «Радиационный маньяк», хотя мне лично это название нравится не очень. Она защитит вас от радиации даже на обочине ядерного взрыва. Что важно, у «маньяка» наноботы наследуются, правда, лишь по материнской линии.

— Нам первый вариант, — ответил отец. — Будем надеяться, что такого безобразия больше не повторится.

— Конечно, — кивнул продавец. Продавец от бога, я это видел даже тогда. — Вам — да. А вашему сыну? Тяжелые времена, и становится только хуже. Кто знает, что будет завтра?

Отец сдался, и я ушел из магазина со своим первым бланком, чистящим мою кровь, спинной мозг и прочие органы от накапливающейся дряни, с «маньяком». А заодно и с нановакциной от гриппа (отец поддался на тридцатипроцентную скидку для покупателей антирадиационной защиты) и, конечно, с бланком «иммунитет от «Наноздоровья» в качестве бесплатного подарка от магазина.

Бланком, что в обиходе все называли «кровяными пловцами».

«Бесплатный» подарок в итоге обошелся дороже всего, потому что отец конечно же не согласился взять базовую версию, заявив, что если уж его семье собираются что-то колоть, то все это должно являться самым лучшим.

Обычные гражданские бланки, которые, как я понял много позже, разом заставили меня пойти по одной дороге из двух возможных.

На пути домой мы проехали мимо магазина «Генная логика». Но я не спросил отца, почему, собственно, он выбрал именно «Наноздоровье». Мне было все равно, потому что я был слишком погружен в себя, чтобы размышлять о подобных пустяках.

Мне все равно и сейчас.

Потому что сейчас я знаю точно, что эти дороги одинаковы. Абсолютно. И все равно, какую из них выбрать.

Важно, как идти.

ГЛАВА 2

Незаметный, медлительный северный закат. Подползающий тихо и накрывающий весь мир.

Как бы ни был растянут по времени его приход, я точно знал дату, когда наступил апокалипсис. Пусть для всего мира, даже для нашего города, он растянулся на десятилетия, — но для меня он наступил в одночасье.

«Второй азиатский грипп». Наш город расплатился с ним каждым десятым — тридцать тысяч погибших в течение одного месяца. Город принес в жертву моих родителей.

И папу и маму.

Мне повезло в одном — в то время еще было кому хоронить мертвых. Так что я спокоен — мои родители отпеты, как полагается.

Эту роскошь позднее смогут позволить себе очень немногие.

Я не люблю вспоминать их смерть и сейчас. А тогда — я просто предпочел все забыть. Это оказалось легко, тем более что сам я тоже немногим отличался от мертвых.

Я выжил, но грипп дал осложнения: хиловат оказался мой организм. Даже справившись с болезнью, он не справился с ее последствиями. Я почти перестал ходить — мог сделать лишь десяток шагов за день, с большим трудом, с болью, лишь для того, чтобы доказать себе, что я еще способен на эти шаги.

Кто-то приносил еду — тогда еще было кому ее приносить. Где-то мне удалось раздобыть коляску, на которой я, далеко не каждый день, выбирался из дома. Возможно, мир продолжал рушиться вокруг, но для меня, внутри меня, — это разрушение уже завершилось.

Я уже жил в преисподней.

И, как ни странно, так было легче. Когда не надо ни на что надеяться. Не позволено ни на что рассчитывать. И точно знаешь, что нельзя мечтать.

Потом где-то в Сети я вычитал, что у «Наноздоровья» есть специальный бланк, способный меня вылечить.

Полностью восстанавливающий функции пораженных участков спинного мозга. Ампула-чудо.

Но только эта ампула оказалась из тех, на которые не существует цены. Что это означает? Что такие нанокультуры стоили настолько дорого, что их просто не было в обычных магазинах Сети, они изготавливались и поставлялись только по спецзаказу.

До того момента я думал, что знаю цену роскоши. Многие из бланков, выставленных в витринах магазина, не были мне по карману. Я знал, что не смогу их себе позволить, даже если сумею продать квартиру, которую я все еще считал родительской. Я готов оказаться на улице. Но кому она теперь нужна, эта квартира? В городе, в котором недавно умерли сотни тысяч?

Многие из оставшихся, из тех, кто поумнее, пытались уехать, спрятаться в деревнях, в автономных поселках. Логика в этом была — до изолированного поселка новой заразе будет добраться сложнее.

И все это еще больше тянуло вниз цены на городскую недвижимость. Вообще на все. Город медленно мертвел, и если бы я не был так погружен в себя, подкошен одиночеством, то постарался бы тоже из него убраться.

Но кому и где нужен калека?

Так вот, даже продав все, что у меня было, квартиру, кое-какие вещи и драгоценности, обнулив счет в банке, доставшийся мне от отца, — даже тогда я мог бы позволить себе далеко не любой из бланков, представленных в витринах «Наноздоровья». Не все из того, на что была назначена цена.

А у той пробирки, что я хотел получить, цена отсутствовала вовсе. Эксклюзив. Изготавливается лишь по специальному заказу, только после того как покупатель внесет всю сумму полностью.

Поэтому мне оставалось лишь мечтать об исцелении, о чудесном бланке, совершенной колонии наноботов, способных вернуть мне подвижность. Приятно думать, что твое уродство обратимо. Рассчитывать, что ты можешь вернуть все на свои места. Пусть даже в теории, пусть ты и

знаешь, что у тебя нет почти никаких шансов набрать нужную сумму, но все же — это надежда.

Я знаю, мне есть с чем сравнивать. Потому что даже тогда мне приходилось помнить о существовании необратимых событий. О мертвых родителях, которых я уже никак не мог вернуть. Не было такого магазина, который мог бы предложить мне их воскрешение. Или возвращение назад, в то время, когда они еще были живы. Когда мама пыталась учить меня литературе и очень смущалась, потому что она сама не читала многого из программы. Поэтому она тайком, в родительской комнате, за полночь, тихо листала книги при свете ночника. Так, чтобы на следующий день суметь на равных обсуждать со мной достоинства и недостатки тех авторов, которых я должен был знать.

Она думала, что я не знаю об ее ночных факультативах. Я знал. Я помнил.

Тот разваливающийся мир, в котором мы жили, до сих пор вспоминается мне как рай.

Большого счастья, чем вспоминать его, у меня нет.

Для того чтобы узнать, насколько недостижима моя маленькая дурацкая мечта, я поехал в магазин «Наноздоровье». Вызвал специальное такси — такое, в которое могла бы поместиться моя коляска, хотя бы в сложенном состоянии. С этим проблем не было — город остался переполненным калеками и инвалидами, так что услуги специальных машин пользовались популярностью. Город продолжал жить, и люди продолжали зарабатывать деньги. Кто на что. Я вот лично — собирался заработать на возможность вновь нормально ходить.

Пока я ехал, равнодушно рассматривая полупустые улицы, все время думал — зачем оно мне, это здоровье? Зачем я хочу ходить? Куда я смогу пойти, даже если смогу? От кого убежать? Не от себя же — для этого не помогут здоровые ноги.

Скорее, это просто было желание доказать самому себе, что я все еще живой. Что жизнь продолжается. Год,

проведенный в коляске, измотал меня так, что даже горечь потери родителей начала отходить на второй план.

Я слишком молод, чтобы оказаться скованным инвалидным креслом. Слишком жизнелюбив, чтобы быть готовым сдаться.

В магазине меня ждал сюрприз. Ко мне подошел именно тот продавец, что обслуживал нашу семью в первый раз.

— Я вас помню, — улыбнулся он, словно не замечая моего кресла. — Я знаю, что буду бестактен... но вы в этот раз один? Надеюсь, с вашими родителями все хорошо?

Я лишь покачал головой.

Наверное, мне следовало расплакаться на плече у чужого человека, неожиданно столь хорошо меня запомнившего. Настолько, что он узнал меня после долгого срока, вспомнил даже, с кем я был здесь в прошлый раз.

Но я не стал.

Это был продавец от бога, я же говорил. Именно такой, которого мечтает заполучить любой магазин. Тот, кто искренне, не только ради денег, любит своих покупателей, мечтает им помочь с помощью тех товаров, что он может предложить. Помнит своих клиентов.

Или камера на входе, совмещенная с системой распознавания образов, успела напомнить ему о нашем предыдущем визите.

— Нет, — ответил я, только чтобы разогнать молчание. Продавец не пытался изобразить горе, он лишь молчал. Осмысливал. Надеюсь, что не для того, чтобы продать мне больше. — Они не пережили «паназиатского». А я вот — видите, пережил, но с потерями.

Я слегка качнулся на кресле, демонстрируя свои новые возможности. Или их отсутствие, тут уж с какой стороны смотреть.

— Собственно, ради этого я и у вас. Меня интересует «Ходок».

— Конечно, — слегка кивнул продавец. — Не встречал этого названия, если честно, но для вас я проверю. Корпорация выпускает сейчас столько модификаций, что

сложно за всем уследить. Хотя, как видите, все же недостаточно много. После той эпидемии у нас есть новый препарат. Делает полностью иммунным к большинству штаммов гриппа паназиатской ветви. Мне жаль, что его не было у нас вовремя.

Я кивнул. Конечно, ему было жаль. Мне тоже было жаль. Если бы эти боты существовали тогда, то он бы с удовольствием нам их продал и заработал бы денег. А мы бы их с огромным удовольствием купили. А сейчас — все мы только жалеем.

— «Ходок» — это сленговое название нанокультуры SCR-01-Ультра. Аббревиатура SCR — это spinal cord resurrection, громкое название, у нас обычно таких не любят, означает «воскрешение спинного мозга». Действительно существует, находится в экспериментальной фазе. Это означает, что на рынке ее даже не предлагают. Обычно — из-за высокой цены или ограниченного спроса. Еще чаще — из-за того и другого одновременно.

— Я хочу знать цену! — Мне пришлось наклонить голову, опустить глаза и смотреть в пол, чтобы сдерживать волнение. Число, которое этот мужчина произнесет сейчас, может ввергнуть меня как в пучины ада, так и поднять на вершины пусть и не рая, но хотя бы надежды. Это где-то там же, в предгорьях.

— На такие товары не существует цен, — качнул он головой. — Могу лишь предположить диапазон.

Он назвал числа. Нижнюю границу, верхнюю границу. Уже от нижней веяло той самой холодной пучиной ада, кромешного, беспросветного. Верхняя граница... на нее, наверное, пришлось бы копить всем городом.

Но мне достаточно было и нижней — мне бы пришлось продать не только квартиру, но и весь наш двухсотквартирный дом, и еще пару таких же по соседству, чтобы набрать необходимую сумму. Со всем этим была лишь одна небольшая проблема — ни наш дом, ни соседние мне не принадлежали.

Я кивнул. Качнул головой, показывая, что услышал. Шевельнул колесами, думая, будет ли достаточно вежли-

во, если я просто выкачусь из магазина, не попрощавшись. Говорить я не мог — горло сдавило, меня душили те самые слезы отчаяния, которые всегда почему-то оказываются в горле, именно там, а не как им полагается — на глазах.

— Подождите минуточку, — остановил меня продавец. — Я полагаю, что вряд ли у вас есть необходимая сумма. В этом городе людей, у которых есть подобные деньги, очень немного, и всех их я знаю в лицо. Требование моей специальности, знаете ли.

— И что? — равнодушно спросил я. Спазм наконец-то прошел, и я вновь мог говорить. Отчаяние постепенно замещалось равнодушием. Это было более привычно, по крайней мере. Равнодушие мне нравилось. Оно не заставляло страдать.

— Но вы также должны понимать, что «Наноздоровье» — огромная корпорация. Сложная, запутанная и очень причудливо устроенная. Есть всевозможные лазейки, которые позволяют простым клеркам получать услуги, которые иногда недоступны даже миллионерам. Вы понимаете меня?

Я подумал было, что он намекает на взятку. И если названные им числа хотя бы умещались в моем воображении, я бы обязательно обрадовался. Но я не верил, что в его силах настолько изменить стоимость, чтобы даже слегка приблизить ее к моим возможностям. Как текущим, так и мнимым.

Увидев выражение моего лица, он усмехнулся. Даже усмехался он миролюбиво, словно показывал, что любит тебя всем сердцем. И ни в коем случае не насмехается. Просто — хочет повеселиться.

— Нет, я не про взятки. — Похоже, все было на моем лице. — Я про корпоративные лазейки. Мне не хочется, чтобы сын такого гордого отца просто сдался. Я хочу увидеть вас на ногах, чтобы вы бегали, или ходили, или прыгали. Но не сидели в кресле. Только не это, нет. Так вот, у нас там есть одна программа, мало кому известная, по помощи сотрудникам компании. Многие критичные блан-

ки, за которые толстосумы выплачивают миллионы, нам могут доставаться бесплатно. Не всегда, тут все сложно, надо попасть под определенную акцию, оплачивать корпоративную страховку, но все же.

— Но я не сотрудник компании, — ответил я. — Вы же не можете меня зачислить к себе задним числом? Или... можете? К тому же, может, вам и достаются бесплатные пирожки в буфете головного офиса, но вы сами назвали числа. Они безумны. Таких чудес не бывает.

— Нет. И да, — улыбнулся продавец. — Нет — я не могу зачислить вас задним числом, но это и не требуется. Да — такие чудеса бывают, если знать, как складывается цена. Что есть бланк? И там боты, и здесь боты. Разные, конечно, и по сложности разные, и по качеству. Страна-изготовитель тоже играет немалую роль. Но — ни в одном из них не спрятан золотовалютный резерв. Я к тому, что подобный разброс цен — это всего лишь маркетинг. Что-то мы должны продавать дешево, и мы продаем, несмотря на убытки. Что-то — выше реальной стоимости в сотни раз. И это покупают за эти деньги. Но когда ты внутри корпорации — подобные вещи исчезают. Цена остается лишь условностью внутри корпорации. Ее даже не видят, когда вкалывают вам дот. В крайнем случае — спишут в брак. Или на эксперимент с добровольцем. Надо лишь знать, кому позвонить.

— И компания возьмет к себе калеку, зная, что он калека? И после этого еще и вылечит его, бесплатно?

— Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. — Продавец качнул головой. — Конечно, все не так просто. Например, если вы решите уволиться, то в течение трех лет после использования любого препарата компании вам имеют право предъявить его цену к оплате.

— Рабство? — усмехнулся я. — Неплохо. Я согласен.

— Да, я сделаю пару звонков. У меня, вы понимаете, есть знакомые. Там-сям. В кадрах.

— Что я вам должен? — спросил я, все еще думая, где же подвох.

— Я же сказал, дело не в этом, — сердито, нарочито

сердито покачал он головой. — Давайте так. Вы мне должны — прийти ко мне как-нибудь в гости. На своих двоих. Порадуйте меня. Если я буду знать, что помог еще хоть кому-то в это тяжелое время, я буду очень рад, поверьте.

Я приходил к нему потом. Один раз, много позже. Лишь для того, чтобы узнать, что он тоже мертв. Чума-74.

Кадровичке перевалило за сорок, но выглядела она явно не на свои годы. Похоже, что реклама косметической линии от «Наноздоровья» не целиком состояла из зазывающей брехни.

— Юрий? — спросила она, посмотрев на мою коляску. Все смотрят на мою коляску. Мне это даже нравится. Пока люди еще смотрят на коляску — значит, такие вещи не стали окончательно обыденностью, нормой, на которую просто не обращают внимания. Тоже небольшой элемент надежды, крохотная ее составляющая.

Я кивнул. Поздоровался.

— Посмотрим, что смогу вам предложить. — Она уткнулась в монитор, задавая запрос. — Если хотите, то можете пересесть на стул. Глупо, понимаю. Просто я всегда предлагаю кандидатам присесть, это уже привычка, доведенная до автоматизма. И теперь я даже сосредоточиться не могу: мне все кажется, что я чего-то не сделала, бросила работу на полпути.

— Считайте, что предложили, — усмехнулся я. — Но, пожалуй, я посижу на своем.

— Конечно. Смотрите, что можно сделать. Мы берем вас во вспомогательный персонал, что означает, что в офисе вы даже не будете светиться. Допустим, сейчас есть вакансии кладовщиков на наших складах. Сложная работа, честно признаться, постоянные проверки, ревизии, аудиты остатков. Сами понимаете, в наших распределительных складах столько добра, что есть за чем следить. Бандиты, говорят, начали вокруг них ошиваться, все пробуют как-то получить доступ к нашим товарам. Две вооруженные стычки за последний год. Хорошо еще, что служба безопасности у нас тоже не самая слабая.

Зато — для этой должности не нужно высшего образования. И она как раз то, что нам сейчас надо, — в сторонке от всех, но при этом вы становитесь абсолютно равноправным сотрудником компании.

— А после? Как с ногами?

— А очень просто. Сейчас пойдете на медосмотр. Еще, из-за того что должность связана с материальной ответственностью, поговорите с ребятами из СБ. На кладовщика не распространяются никакие из требований по физической форме, так что ваша... травма не является препятствием. Врач, к которому вы пойдете на медосмотр, напишет все правильно, я ему позвоню. Что-нибудь вроде «ограниченная двигательная активность, не препятствующая исполнению непосредственных служебных обязанностей». В СБ ребята тоже нормальные, вы с ними, главное, не спорьте, и все будет хорошо.

Я все еще искал подвох. Ждал, когда мне подсунут пергамент с договором, на котором я должен буду расписаться кровью. Хотят поставить своего человека на склад, чтобы прикрывал воровство? Я согласен. Хотят получить дармовую рабочую силу, всего лишь за один укол? Я согласен. Хотят заполучить мою квартиру в обмен на одну ампулу? Я согласен тоже, лишь бы эта ампула помогла.

Истолковав мое молчание по-своему, кадровичка предложила:

— Ну, я могу посмотреть еще. Может, будет что-нибудь в экспедиции грузов. Или, если вы хорошо программируете, в отделе вспомогательных разработок... У нас есть центры исследований почти в каждом городе. Территориально-распределенная программа развития, вы же знаете. Именно в нашем центре разработали наноусилители для широчайших мышц, недорогие и надежные. Пользуются определенной популярностью среди тех, для кого сила мышц по-прежнему важна.

Я мотнул головой:

— Нет-нет, мне подходит и кладовщик. Если возьмете, конечно. А скажите, когда можно будет просить о лечении? Сами понимаете, иначе ради чего все это...

Я ждал ответа вроде: «Поработаешь годик-другой, поймешь, что к чему, тогда и...»

— Да-да. Через три месяца, сразу, как только вам закроют испытательный срок. Я за этим прослежу. Через три месяца свяжусь с вами и с нашими медиками. Вы с ними познакомитесь на обследовании. Хорошие ребята, только мнят о себе чересчур.

Уже выкатывая свою коляску из кабинета, я спросил, просто на всякий случай. Просто для того, чтобы потом меня ждало меньше сюрпризов:

— Скажите, как я смогу с вами расплатиться за вашу помощь?

Женщина добродушно махнула рукой:

— Да что вы! Это, считайте, моя ежедневная работа. Заходите как-нибудь потом, на своих двоих, просто расскажите, как у вас все сложилось. Мне уже радость. Немногие приходят.

Мне пришлось увидеть ее труп. Много позже. Бандитская перестрелка на улице, случайная пуля, случайный прохожий, один из многих. Узнал я ее тоже лишь случайно — лишь потому, что на ее лице и тогда продолжала оставаться миловидная улыбка, что очень шла ей при жизни.

Медики оказались первыми, кто взял меня в настоящий оборот. Я знал от отца, что нынче устроиться на нормальную работу без серьезной медицинской проверки невозможно. Да что там на нормальную — на любую. Если ты идешь работать в корпорацию, то будь готов подписать отказ от всех тайн своего тела. Тебя возьмут, только если будут знать, что именно написано в твоей медицинской карте.

А уж на такую ответственную и важную должность, как кладовщик, проверять будут особенно тщательно. Это ж почти так же круто, как вице-президент филиала. И платят небось даже побольше, чем любому из высоколобых.

Нет, правда, проверяли меня так, что я понемногу на-

чал сомневаться, не записали ли меня по ошибке в космонавты.

И все смотрели на мою коляску. Все. Удивлялись, но молча. Врач, который возил меня по кабинетам, гасил все вопросы в зародыше. А дальше все становилось просто — окулист проверял глаза и честно писал, что со зрением у меня все в порядке. Кардиолог — сердечно-сосудистую систему, и как бы он ни пялился, желая задать вопрос по поводу инвалидности, но — с сердцем у меня тоже все было в порядке. И так далее.

Парень, таскавший меня на протяжении всего осмотра, собрал все воедино лишь вечером. Формально он считался прикрепленным за мной терапевтом, обязанным дать общее заключение, и он его дал.

«Временно рекомендуется ограничение двигательной активности ввиду необходимости завершения лечения. К означенной работе годен без ограничений».

И не соврал ведь, зараза. Действительно, бегать мне сейчас рекомендовать точно не стоило. И лечиться мне было надо. И, при хорошем раскладе, это лечение я скоро смогу завершить. Месяца этак через три.

— Модель кровяных пловцов у тебя слегка устарела, — сказал он на прощание. — Я занес к себе в календарь, обновлю все вместе, к тому моменту я закажу «Ходока». Проведу как внутреннее тестирование экспериментального и перспективного образца. Это у нас любят. Тебе еще и премию выпишут за помощь компании. Они не выпускают такие образцы в Сеть, чтобы не сбрасывать на них цены, но у этого есть и обратная сторона. Для этого им приходится держать их в каталоге экспериментальных. И сразу появляется поле для маневра.

Я поблагодарил медика и не стал его спрашивать, что я ему должен. Тогда мне казалось, что как только меня поднимут на ноги, я придумаю, как расплатиться с каждым из них.

Удивительно, но именно им я не помог. Ни одному. Даже не был на их могилах. Я не знаю точно судьбы этого парня-медика. Не знаю, работал ли он тогда, когда на ме-

дицинский центр «Наноздоровья» напала группа фанатиков из «Чистых». Перебили всех, потом подорвали здание. Обычной бомбой подорвали, по нынешним временам они — практически пацифисты.

Может, медик и выжил, если это произошло не в его смену. Я даже не стал уточнять в списке погибших, чтобы тешить себя этой надеждой.

Три человека, которые сумели вернуть меня на дорогу, сделать так, чтобы я шел по ней, а не полз в коляске. Мертвы, все или почти все.

Наступали времена, когда такими историями никого не удивишь.

Вообще-то этих людей было четверо. Не следовало забывать о безопаснике, с которым я встретился в самом конце. Но из-за того, что как раз с ним судьба свела меня более плотно, в этом списке он стоит особняком.

ГЛАВА 3

Конечно же мне заявили, что разговор с безопасностью — пустая формальность. Раз уж кадры и медики дали добро, то для должности кладовщика этого вполне достаточно. Так, посмотрят на меня и поставят галочку в документах — и можно приступать к работе.

Он смотрел на меня так внимательно и доброжелательно, что в какой-то момент я начал мечтать о том, чтобы рассказать ему все. Всю правду: о своем уголовном прошлом, маниакальных наклонностях, сотрудничестве с конкурирующими спецслужбами и конечно же о том, что буквально на днях я как раз скрепил кровью договор с одним из младших клерков-чертей.

— Когда вы планировали начать работу? — задал он вопрос, для меня неожиданный. Я как-то ожидал чего-то вроде «не привлекались, не участвовали?».

— Как только разрешат, — ответил я.

— Так хотите работать? — спросил он. — Или деньги нужны?

От денег я действительно уже не отказался бы: отцов-

ский счет постепенно таял. Но, очевидно, у меня существовали более веские причины поторапливаться.

Видимо, я выдал себя взглядом на свои ноги, потому что он не стал ждать ответа:

— Из кадров мне звонили, да. Знали, что вы пойдете через меня. Петр Семенович, кстати. Мне почему-то кажется, что мы с вами еще встретимся. В хорошем смысле. Не подумайте, что я говорю как особист, запугивающий всех и каждого. Хотел бы расставить точки над «i», Юрий.

Петр Семенович аккуратно, не останавливая речи, налил из графина полстакана воды и осторожно полил росток какого-то комнатного растения, посаженный в пластиковый стаканчик. Всего три маленьких листика. Растение посадили недавно, и с учетом того, что в комнате не было больше ни одного цветка, эсбэшник явно пробовал себя в новом качестве.

— Эта маленькая афера как раз то, на что я могу закрыть глаза. Хороший парень, почему не помочь? Может, я тем самым помогу и компании, которая получит еще одного преданного сотрудника. Но учти, и лучше тебе запомнить это сразу, мы здесь не любим махинаций. С товаром, с данными, с деньгами. Будь честен, работай хорошо, встань обратно на ноги, и тебя ждет светлое будущее в нашей компании. Начнешь мухлевать — и я очень быстро за тобой приду.

Я не удержался:

— А вы... Петр Семенович, а вы разве не штатный психолог?

Он кивнул:

— Да, и что? Я психолог в службе безопасности, не забывай. Так что я умею и стрелять и ловить. Если у тебя возникнут какие-то проблемы, кто-то попытается к тебе пристать, кто-то попробует тебя запугать — иди сразу ко мне. Теперь ты в компании. Я не стану называть ее семьей, потому что слишком большая получится семейка, но одно остается фактом: теперь твои проблемы становятся и моими. Лучше будет, если этих проблем просто не

возникнет. А если они все же появятся, лучше будет, если я решу их сразу. Добро пожаловать, Юрий.

Эсбэшник встал и протянул руку для рукопожатия. Тем самым давая понять, что наш разговор закончен.

Так я начал свою работу в «Наноздоровье» — одной из двух крупнейших компаний мира.

Работа современного кладовщика такая же странная, как и работа современного склада. Склад мне нравился — пусть небольшой ввиду компактности продукции — всего три тысячи квадратов, — но если где-то на Земле и существовала пещера Али-Бабы, то она была передо мной.

Полная автоматизация подразумевала, что у меня отсутствовала необходимость ездить вдоль стеллажей на погрузчике, сгружать, разгружать, пересчитывать, менять паллеты местами. Большую часть времени я вновь сидел за компьютером, лишь следя за тем, что с какой точки склада изымают механические руки. Здесь мы их называли мехманами, сокращая официальное название «механический манипулятор складской NH Special». Судя по всему, эти мехманы являлись стандартом для всей корпорации, раз у них даже в названии присутствовало «Nano Health»¹.

Мехманы таскали коробки с продукцией вверх-вниз, на высоту всех пяти уровней, а продольные рельсы на потолке позволяли им скользить вдоль стеллажей, добираясь до любой нужной ячейки. Внизу по узким проходам непрерывно крутились грузовые тележки, привозя новые порции ультрасовременных нанокolonий индивидуального пользования, увозя те, что затребовали магазины. Тележки тоже имели небольшую механическую руку и теоретически могли «самостоятельно» изъять коробку-другую с нижнего уровня. Но пользовались они этой возможностью крайне редко.

Вся эта техника завязывалась воедино в систему компьютерного контроля, обсчитывающую все, знающую, где и что находится, понимающую не только куда

¹ «Наноздоровье» (англ.).

именно подъехать тележке, чтобы забрать нужную коробку, но и какой маршрут она должна проложить по складу, чтобы минимизировать затраты времени, усилий, энергии.

И конечно же все это время от времени сбоило. Это выглядело забавно. Мехман уверенно подтягивался к нужной ячейке, готовясь зацепить очередную коробку с порцией бланков, и неожиданно замирал. Считывание метки на коробке не подтверждало наличия в ней нужных бланков. Самая длинная складская операция — пока мехман посылал информацию в программу, пока она ее обрабатывала и принимала решение, где тогда, собственно, раздобыть нужные бланки вместо «утерянных».

Чаще всего утерянные бланки обнаруживались в другом конце склада. Или оказывалось, что ошибка присутствовала еще при изначальной доставке. Всего этого можно избежать, конечно, и склад, я думаю, вполне мог работать без ошибок вообще. Но такой подход требовал снижения скорости обработки грузов. Так что программа всегда предпочитала действовать где-то в районе золотой середины, не позволяя, с одной стороны, ошибкам накапливаться, но и не замедляя слишком сильно работу склада ради его совершенства.

Вот так выглядело мое первое поле боя.

То, что теперь я работаю на очень ответственной должности, мне пришлось почувствовать сразу. Прошло лишь два рабочих дня, как ко мне пришли.

Сначала я подумал было, что это проверка самой корпорации. Но если это и так, то либо в ней участвовали великолепные актеры, либо для проверки наняли настоящих громил, а не подставных персонажей.

Я возвращался домой. Во всем доме горел свет, и я рискнул воспользоваться лифтом. Конечно, подобные эксперименты опасны — один раз, пару месяцев назад, я так и просидел в этом лифте несколько часов, пока вновь не подключили электричество и меня из него не вызволили. С другой стороны, потратить почти час, чтобы подняться

на свой этаж по лестнице, абсолютно не приспособленной для колясок, тоже казалось занятием не из самых приятных.

На этаже меня ждали трое.

Они заметили меня сразу, но даже не пошевелились, когда я въехал на площадку. Лишь молча смотрели, как я разворачиваюсь, а потом, как осознаю, что, возможно, что-то не так. Возможно, этот вечер пройдет не совсем по тому расписанию, которое для него планировалось.

Лишь через большую паузу один из них, тот, что прислонился к косяку моей двери, оттолкнулся от него и неторопливо отошел в сторону.

— Ну чего, открывай, — сказал он. — Зайдем к тебе, поговорить бы надо.

Я не двигался. Понятно было, что вызвать лифт, который, возможно, еще не уехал, и заскочить в него обратно я не успею. Никак — не на коляске. Не смогу и прорваться на лестницу. Не смогу открыть дверь и каким-то образом умудриться запереться изнутри, оставив гостей снаружи.

А раз так, то лучше бы нам поговорить здесь. Как-то не хотелось мне уединяться с ними в квартире, там, где у меня не останется даже малейшего шанса на появление случайного свидетеля-спасителя. Или же свидетеля, который быстро превратится во вторую жертву.

Видя мою медлительность, от стены отделился второй.

Я чуть катнул коляску назад, неосознанно, отнюдь не рассматривая всерьез возможность физического сопротивления, лишь рефлекторно пытаюсь избежать столкновения с угрозой.

— Нелюбезный, — неожиданно влез третий. В отличие от остальных, так и не шевельнувшийся на своем месте на подоконнике коридорного окна. — И молчаливый. Плохо, что нелюбезный. Может, хорошо, что молчаливый.

— Ключи давай, — сказал второй. — Помогу тебе, ка лека, добраться до койки. Или до гроба, как уж захочешь.

— Это он правильно сказал, — подтвердил третий. — С этим у нас просто. Не надо ключей.

Третий неожиданно поднял руку, останавливая своего «коллегу»:

— Не надо. У нас к тебе очень короткое сообщение. Можно и здесь, дольше в квартиру заходить. Слушай сюда. Мы знаем все. Где ты работаешь, кем работаешь, где живешь, когда приходишь домой, когда уходишь. В принципе мы знаем даже, когда ты умрешь. Неверно — лучше скажу так...

Третий спрыгнул с подоконника. Самый крупный из всей компании. Два метра минимум, сто двадцать кило опять же — минимум. Но спрыгнул он так тихо и грациозно, что не оставалось никаких сомнений, что в этих килограммах нет ничего лишнего.

— Скажу тебе так: мы быстро назначим дату и даже причину твоей смерти, если у тебя возникнут какие-то нездоровые мысли. Теперь слушай сюда еще ближе. Через пару дней мы зайдем. Подготовишь планы склада, подходы, где что лежит. Какая охрана, когда меняется, сколько человек. Какое оружие, где, в каком режиме. Все подготовишь. Как сделаешь — мы хорошо заплатим. Так хорошо, что даже в этом кресле тебе будет жить комфортно. И бухло и девочки — на все деньги будут. У тебя только ноги отнялись? Остальное-то как, способно еще на что?

Оказывается, вопрос не являлся риторическим. Ему действительно было страшно интересно, не повлияла ли моя болезнь на потенцию. Он ждал ответа. Пауза затягивалась. Я же, лишь поддерживая уже выбранную тактику полного молчания, продолжал смотреть на него и тоже ждать.

— А не сделаешь, как сказали, или решишь стукнуть, или еще чего выдумаешь смешного — мы тебя грохнем. Только сначала я лично проверю, что там с твоими причиндалами. И оторву их до того, как ты сдохнешь. Понятно?

Он наклонился и посмотрел прямо на меня, близ-

ко-близко. Красивые у него были глаза, такие серо-стальные. Женщины от таких глаз должны просто млеть.

Видя, что я не отвечаю, он тряхнул коляску, словно пытаюсь меня разбудить.

Я кивнул, давая знак, что все слышу. Разговаривать очень сильно не хотелось. Девочки, это ж надо. Комфортная жизнь в коляске, как же. Если бы знали, какое предложение поступило от другой стороны, то поняли бы, что я им отвечу.

Но, похоже, вот как раз этого они и не знали. И наивно полагали, что их деньги для меня хоть что-то значат.

— Хорошо, — удовлетворенно заметил третий и отодвинулся от меня — так, будто ему было неприятно находиться в такой близости с калеккой. — Ты думай, быстро. Готовься. Через пару дней чтобы все собрал, записал. У нас времени нет, чтобы тебя ждать.

Они ушли по лестнице. В отличие от меня, эти парни явно не любили полагаться на волю судьбы. И веерных отключений электричества.

Включать телевизор не хотелось, потому что ничего хорошего говорить там не могли. Время вечерних новостей. А хороших давно никто не ждал. Но нужно было как-то отвлечься, просто для того чтобы перевести дух. Так что я все же его включил и выбрал канал новостей международных. Когда новости плохие везде — лучше узнавать о бедах, произошедших где-то далеко. Можно хотя бы попытаться абстрагироваться, сделать вид, что к тебе это никак не относится.

— ...На Лазурном побережье Франции зафиксировано удивительное явление. Град — это вообще большая редкость для французов. Однако к ней они уже начали привыкать. Но на этот раз осадки выпали в виде града в форме оплавленных кристаллов льда значительно крупнее обычного. Град не просто обрушился на прибрежные города и курорты, но и продолжал падать несколько часов подряд. Это вызвало как минимум один крупный пожар, когда взорвалась газозаправочная станция в центре города. Жертвами стихии стали более тридцати человек.

Я потянулся к пульта, чтобы выключить телевизор. Как раз в этот момент лицо диктора сменилось видеорядом с места событий. Град действительно был крупный, падающие и бьющие стекла машин ледышки видно было даже в записи. Пожар, видимо, от той самой заправки, полыхал где-то впереди, за домами. Видны были лишь сполохи пламени и черный клубящийся дым.

Камера сменила фокусировку. На ближнем плане стояли машины «скорой помощи», кто-то бежал с носилками, кто-то грузил людей внутрь. Одни носилки остались брошенными прямо на асфальте. Человек, лежащий на них, видимо, был уже мертв — его закрыли одеялом с головой.

Струи воды, текущие вдоль дороги, вымывали из-под носилок кровь, и она текла тонкими струйками по асфальту, быстро бледнея и прячась в воде, падающей с неба.

Но оператор приблизил вид, и кровь опять стала заметна отчетливо. Кровь, текущая по дороге, смешивалась с градом, бьющим все вокруг, — град пытался достучаться до мертвого тела, укрытого одеялом, лупил по живым, и видно было, как санитары периодически вздрагивают от особо сильных ударов.

Град падал на асфальт и смешивался с кровью, так же, как и огонь, на фоне которого все это происходило.

Эта картинка долго не уходила из моих глаз. Наверное, надо было не выключать телевизор, чтобы заместить ее чем-то другим. Хотя замещение вполне могло оказаться еще хуже.

Конечно, я подумал.

И начал готовиться.

Прежде всего в одной из подворотен я купил простенький восемнадцатизарядный «викинг»¹ и даже успел отполировать пару движущихся деталей, которые, по моему мнению, этого требовали.

Хотя нет — еще раньше я собрал вещи, все, что смог. Все, что стоило собирать, а таких было совсем мало, и ут-

¹ Облегченный, или спортивный, вариант пистолета Ярыгина ПЯ «Грач».

ром следующего дня — не моя смена — вывез их на вокзал, положив в ячейку камеры хранения. Совсем немного вещей. Память о родителях. Фотографии, пару флешек с детскими видео, где родители снимали и себя вместе со мной. Две любимые книги матери. Ноутбук отца, старый, но он с ним не расставался до самой смерти.

Там же, в привокзальной подворотне, я и разжился оружием.

В свою квартиру я больше не возвращался.

Сначала я доехал до офиса корпорации, позвонил по внутреннему Петру Семеновичу и попросился на разговор. Рассказал ему все, что произошло прошлым вечером.

Петр Семенович задумался.

— Как ты понимаешь, охрану к каждому мы не представим, — начал он чуть погодя, — так что ты уж как-то вывернись. Переберись куда-нибудь в другое место, можем предложить какое-нибудь жилье из служебного, с этим без проблем. Ношение оружия формально запрещено, так что я тебе выдавать его не буду и рекомендовать его приобретать... тоже не буду. Но выражусь так: в подобной ситуации оно бы тебе не помешало.

Я молчал. Оружие лежало в сумке у охраны на входе. Но раз он мне его не может рекомендовать, то я не могу ему сказать, что оно у меня уже есть. Также я не стал говорить, что квартиру-однушку, зато близко от склада, можно было добраться пешком, я себе тоже уже нашел. Кто знает, может, утечка шла именно от него? Может, именно кто-то из безопасности выдал наружу информацию о новом сотруднике склада, которого можно быстро тряхнуть.

Похоже, он думал в том же направлении.

— Тех, кого ты описал, мы поищем. Может, даже быстренько и найдем. Но проблема не в этом. Это — так, шавок прислали. Этих найдем — других пришлют. Очень многие хотели бы добраться до наших запасов. К сожалению, все они наши клиенты. Хотя и к счастью тоже. Будем шерстить базу, думать, у кого хватит силенок организовать нечто подобное.

— А что случилось с предыдущим кладовщиком? Если не секрет? Я же пришел на чье-то место...

Петр Семенович махнул рукой:

— Не волнуйся, не убили. Жив-здоров, просто пошел на повышение. Сейчас продавцом в магазине в самом центре. Представляешь — не просто следил за складом, оказывается, а сидел, читал инструкции к товару, учил, готовился. На внутренние курсы наши ходил. Молодчина парень. Такие нужны корпорации. И, как видишь, его мечта сбылась. Стал продавцом. Говорят, даже неплохим. Я почему знаю — читал о нем перед тем, как с тобой общаться.

Я вежливо кивнул. На данный момент моя мечта была несколько иной. Возможно, менее амбициозной, но как-то грела она меня значительно больше, чем чужая.

— Ладно. С этим я разберусь. Не волнуйся. Самое главное, за что спасибо отдельное, так это то, что мы быстро выйдем на крота. Кто-то слил информацию, а это плохо. Не громили — громили всегда есть. А вот предатель внутри — его мы сейчас найдем. Не так много людей имеет доступ к информации о сотрудниках.

Да, точно, думали мы явно об одном и том же. Мне бы еще его уверенность — и совсем хорошо.

— Не слабовата ли охрана склада, если на него зарятся настолько серьезные люди? — спросил я напоследок.

Хозяин кабинета молча посмотрел на меня, давая понять, что я задал вопрос неуместный, по меньшей мере. И протянул мне руку, прощаясь.

После переезда все затихло. Моего нового адреса не знал никто. Возможно, помогло это, а может, безопасности действительно сумели сделать свою работу. Я надеялся на второе, но полагался на первое. А тем временем я работал, день за днем.

В смене насчитывалось лишь четверо. Я, механик, два охранника. Все. На весь склад, может, не такой и большой по территории, но уж точно недалеко ушедший по

ценности от сейфа со слитками драгметаллов какого-нибудь крупного банка.

Мы заступали в сутки, принимали смену в течение пятнадцати минут. Никаких пересчетов по каждой паллете, по ящику. Никаких инвентаризаций при сдаче смены. Наверное, потому что это было нереально.

Сдача смены заключалась лишь в дактилоскопии ладоней меня и сменщика. И десятиминутном отчете программы обо всех недочетах, выявленных на текущий момент.

Механик занимался только техникой и к товару не лез вообще. Охранники соответственно охраняли. С учетом того, что склад разместили буквально в открытом поле, отнеся внешний периметр ограждения на сотню метров от здания, охрана здесь не казалась такой уж тяжелой задачей.

Автоматические пулеметные турели по углам, как в старом анекдоте про консерваторию, эту задачу только облегчали. Современный вариант строфы «Железо и медь — запоры твои»¹.

По нынешним временам — не такое уж и излишество. «Мой дом — моя крепость» — эта поговорка опять входила в моду. А также в законы — как писанные, так и уличные.

Вся территория склада, включая периметр, считалась частной собственностью. Любой появившийся на ней без приглашения мог быть убит. И компании за это ничего бы не было. Это я знал точно.

Думаю, что компании подобного масштаба ничего бы не было в любом случае. Но когда-нибудь в прошлом она хотя бы попыталась оградиться от возможных нападений. Заблокировать подступы. Концентрировать и ценности и охрану в более крупных центрах, чтобы обеспечить превентивное задержание злоумышленников.

Но это могло оказаться не очень с точки зрения логистики поставок. Нашего склада вполне хватало на огромный город и область. Сейчас все больше входило в моду

¹ Втор. 33: 25.

слово «сектор». Он не совсем совпадал со старыми границами области, потому что в ряде мест эти границы сместились к географически значимым разделителям: рекам, горам, где-то даже к оврагам.

Так вот, наш склад был фактически всего лишь перевалочной базой между лабораториями, заводами — и магазинами сектора. Обратная сторона медали такого подхода — любой, оказавшийся, пусть даже случайно, в пределах периметра, мог сделаться мертвым. Сразу и без предупреждения. Конечно, сложно, очень сложно случайно перелезть через трехметровый забор, верхнюю колючку под током — и после этого заявлять о своей невинности.

Эта часть моей работы мне не нравилась. Дико неудобно проходить сотню метров от забора до ворот, зная, что, сработай неправильно автоматика, — и даже охранники, давно знающие меня в лицо, могут и не успеть ее остановить.

Или не захотеть этого делать.

Хотя теперь мне хотелось, чтобы пулеметов было больше. И охранников — раз в десять. Никто не нашел меня на новой квартире. Или же нашли тех, кто искал меня, — безопасность молчала, а я не спрашивал. Я даже как-то слегка успокоился. Лишь слегка. От пулеметов все равно не отказался бы.

А еще мне не нравился высокий забор. С уроков православия я помнил немного. Но, например, хорошо запомнил вот это: «Кто высоко поднимает ворота свои, тот ищет падения»¹.

Мы, не только эта компания, а все мы, поднимали наши стены все выше. Возможно, я не мог выразить этого словами, но и тогда мои ощущения говорили мне, что это не к добру.

До конца первых трех месяцев — официального испытательного срока в компании — мне оставалась всего неделя. И в принципе мне очень нравилась работа. Особенно когда ко мне не приставали громилы по вечерам.

¹ Притч. 17: 19.

Конечно, большую часть времени я лишь сидел и возмущался слаженной работой техники, иногда пытаюсь что-нибудь почитать. Начиная понимать, как мой предшественник умудрился подсесть на инструкции. Но временами становилось и интересно. Когда программа оказывалась не в состоянии понять, что же, собственно, происходит и почему одни датчики говорят о наличии нужной коробки в нужной ячейке, а другие — на мехманах — заявляют, что коробки там нет. Вот тут кладовщик и должен был выступить во всем блеске, в сиянии своей славы. Сходить на место лично (сходить — это, конечно, громко сказано, скорее, проманеврировать между постоянно мучущимися тележками), разобраться. Иногда даже принять решение.

Ну а еще приходилось постоянно принимать машины с товаром и отгружать заказанные грузы в магазины.

Но в момент, когда все началось, я занимался именно разбирательствами внутри склада.

Весь, абсолютно весь товар «Наноздоровья» паковался одинаково. Ампула вкладывалась внутрь специального контейнера с двусмысленной аббревиатурой «НЗ» на внешней поверхности. Контейнеры, обеспечивающие полную безопасность содержимого, вкладывались в ящики по десять, двадцать, сорок и восемьдесят экземпляров. Широкоупотребимые препараты шли чаще всего в крупной упаковке, редкие, дорогие и те, что не пользовались большим спросом, приходили в упаковках поменьше. Ящиков емкостью меньше десяти не было, хотя на складе существовала еще одна комната для разовых экземпляров. Наверное, единственное помещение, где роботизация отсутствовала и кладовщик мог все делать вручную. В этой комнате хранились не всегда самые дорогие бланки — просто те, которые пришли распакованными, россыпью, в отдельных контейнерах, не упакованных в ящики.

Я проверил еще в первые дни моей работы — «Ходока» не припрятали в этой части склада. Судя по записям в

компьютере, этот бланк здесь вообще не появлялся. Продавец не наврал насчет редкости, даже исключительности, и дороговизны моего фетиша.

Думаю, в этой комнатке хотели бы побывать многие. За некоторые, абсолютно однотипные коробочки люди расставались с состояниями. Там, на заветной полочке, лежал первый образец «Alois-XXI», рекламу которого сейчас начинали крутить по всем каналам, — бланк, призванный излечивать болезнь Альцгеймера. Наследуемые наноботы, хотя спроси меня — как раз для этого бланка наследуемость являлась не столь уж очевидным преимуществом. Думаю, что кто-то где-то в корпорации напортачил. Перепутал, дав лаборатории не то задание на разработку. Бывает.

Хотя возможно, кто-то просто хотел разом накрутить цену. Аналог любого бланка, если он вообще предлагался на рынок в наследуемом варианте, стоил сразу раз в десять дороже. И в пятьдесят, если наследуемость поддерживалась по отцовской линии.

Внутри, без выноса на широкую публику, для бланков даже существовала специальная категоризация. Сначала по сроку действия, вплоть до «пожизненных». Затем две верхние ступени иерархии — наследуемость от матери к ребенку, через преодоление наноботами плацентарного барьера, и наследуемость от отца — в этом случае ботам приходилось размножаться почти непрерывно, не просто поддерживая оптимальное для организма количество, но и проникая в половые органы, попадая в чрево будущей матери заблаговременно, вместе со спермой.

Чтобы потом чаще всего просто оказаться пойманными в ловушку презерватива.

Крайнее расточительство, по моему мнению. Но многие платили за саму возможность. Теперь это стало неонаследством. Возможно, единственным, что стоило передавать потомкам.

Там, в этой комнате, на нижнем стеллаже, скромно, почти у самого пола, лежал «Акробат» — бланк для гимнастов и космонавтов, улучшающий действие вестибуляр-

ного аппарата так, что человек мог спрыгнуть с многоэтажки, покувыркаться в воздухе полдюжины раз и при этом спокойно приземлиться на ноги. Ноги, конечно, он все равно бы сломал, да и сам бы, скорее всего, погиб после такого эксперимента, но в рекламе это все равно выглядело замечательно. Конкурент даже выпустил вдогонку полный аналог, который они назвали «Веретено».

Похоже, ни те, ни другие не совсем понимали, зачем, собственно, выплескивать узкоспециализированные препараты на общий рынок. Но когда у тебя столько денег, понимание не всегда обязательно. Поэтому реклама крутилась по телевизору и в Сети, а бланк, в единственном экземпляре, лежал в моей кунсткамере. Иногда его покупали, по предварительному заказу, и тогда он уезжал, а на его место приезжал новый.

У входа слева в комнате стояла коробка, с россыпной «бронезилетов». Целых шесть — почти что рекорд для коллекции редкостей, их окружавших. Армейский образец, который вообще не попадал на открытый рынок. Но на нашем складе он все равно присутствовал — потому что время от времени компания могла предложить этот бланк сотрудникам службы безопасности. Поэтому несколько штук всегда лежали наготове, чтобы каждый новый охранник мог почувствовать себя защищенным, загоняя под кожу наниты, уберегающие его от пуль.

Лично я в это не верил. Считал, что этот бланк специально разработан, чтобы солдаты охотней шли в бой, веря в свою неуязвимость. Ну и в принципе, еще кожа приобретала такой гламурный сероватый оттенок. Говорят, сейчас это стало модно и очень нравилось девушкам.

Наверное, именно поэтому «бронезилеты» пользовались на черном рынке бешеной популярностью. Конечно же не потому, что их раскупали бандиты, готовясь к новым разборкам. Один такой бланк, если бы я захотел и умудрился вынести его из комнаты, стоил у скупщиков три моих месячных зарплаты.

Ерунда, мелочовка. Деньги меня сейчас интересовали меньше всего.

Но как раз в этой комнате все обычно бывало в порядке. Потому что товар, находящийся в ней, оборачивался медленно, и всегда оставалось время разобраться и сверить каждую мелочь. Проблемы случались чаще всего в глубине основного склада, там, где в отдельной ячейке коробки менялись, бывало, по несколько раз в день. Одни увозили, другие привозили на их место.

Программа как-то рассчитывала и оптимизировала загрузку склада, но и мне всегда оставалось чем заняться.

Я смотрел на упаковку по восемьдесят, стоящую в ячейке на втором уровне, и пытался понять, что, собственно, не понравилось программе. В упаковке должны находиться кровавые пловцы. Судя по показаниям сканера, они там и находились. За несколько месяцев работы я запомнил даже базовые расшифровки радиометок и мог не залезать в наладонник, чтобы посмотреть, что за товар кроется за тем или иным набором цифр.

В этот раз залезть все же пришлось.

Ну да, кровавые пловцы, «Базовый иммунитет», версия 3.8, срок полезного действия — три года. Три года. Я еще раз посмотрел на записи доставки. «Базовый иммунитет», версия 3.8, срок полезного действия — тридцать лет. Ошибка в одной цифре. Понятно.

Непонятно, где искать вторую такую же упаковку, тридцатилеток, стоящую в несколько раз дороже этой. Ту, которая должна была находиться в этой ячейке. Что еще интереснее — а была ли она вообще, или на склад изначально привезли не то, что было записано в сопроводительном файле?

Бывает. Я посмотрел в переносной компьютер-наладонник. Здесь больше делать было нечего, надо вернуться и начинать копать в записях, чтобы понять, что, собственно, произошло. А для этого мне надо посмотреть, как пробраться мимо спящих во все стороны тележек. Остановив работу склада ради перемещения по нему моей персоны не очень хотелось. Придется, конечно, перенаправить пару-другую тележек, но эти флуктуации я предпочел бы минимизировать.

ТЕРМИНЫ, НАЗВАНИЯ И ПОНЯТИЯ, используемые в романе

Продукты нано- и биотехнологий, расы и общественные группы, оружие и другая терминология

Общие понятия

бланк — благоприобретенная нанокультура с возможностью введения в организм взрослого нано

боты, *мн. ч.* от «бот» — то же, что наноботы, сокращение от «нанороботы», искусственные симбионты для обслуживания организма

геммы, *мн. ч.* от «гемм» (Генетическая Модификация) — генетические факторы, приводящие к генетическим модификациям, управляемо придающим организму специфические свойства на временной или постоянной (ненаследственной) основе, имеют уникальные наименования

дрон — боевой робот

Изоляторы — спецподразделения для зачистки территорий путем уничтожения зараженного биоматериала

Изоляция — общественно-политическое течение, стихийно созданное в Точке Заката и направленное на безусловную изоляцию районов, подвергшихся заражению

нано — раса, образовавшаяся в результате направленных изменений вида *homo sapiens* и деятельности симбионтов-нанороботов

н-тату, она же **нанотату** — особый вид татуировок с использованием наноботов в качестве наносимого материала, обычно ограничены исполнением однократной узкоспециализированной задачи

экзо — раса, образовавшаяся в результате направленных мутаций вида *homo sapiens*

эттерн — нанокультура, ключевое отличие от бланка (см.) — способность передаваться по наследству

нотто — то же, что базовая раса, то же, что предзакатный человек, — собственно люди, без генных модификаций

Экзо. Мутации

«**Веретено**» — вид наследуемой мутации, дает улучшение вестибулярного аппарата, один из подвидов «Центрифуги» (описание отсутствует)

Нано. Эттерны

кровяные пловцы — существуют в варианте эттернов и бланков различного срока действия, базовый эттерн (бланк) расы нано, обеспечивающий общее повышение сопротивляемости организма разнообразным заболеваниям

«**Песья радость**», или «**Острый нюх**», — эттерн, существует в виде модификаций нескольких уровней, обеспечивает значительное увеличение обонятельных способностей

Нано. Бланки

«**Али**» (Али FR-ME, известные подвиды: класс универсал, класс экстра) — нано-усилитель (см.) «силового» вида, обеспечивающий увеличение мощности (рывкового усилия) модифицированной группы мышц

«**Броня**» — краткое название одного из видов инъектируемой нанокультуры, аналог «Любителя пуль» (см.), курс обмена к моменту событий романа: три «Брони» на десять «Любителей»

«**Бульон**» — бланк, являющийся сопроводительным,

обеспечивает среду для быстрого размножения кровяных пловцов (см.)

«**Любитель пуль**» — вид инъектируемой нанокультуры, форсирует заживление ран, ускоряет восстановительные способности, особенно в экстремальном режиме

наноусилители — обобщенное название бланков, отвечающих за усиление мышц

«**Хатанака**» — бланк, обеспечивающий иммуномодуляцию при использовании внешних имплантатов. Значительно снижает возможность отторжения имплантатов у механистов

«**Ходок**» — сленговое название нанокультуры SCR-01-Ультра. Аббревиатура SCR — spinal cord resurrection, «воскрешение спинного мозга». По сюжету — бланк, позволяющий вылечить травмы спинного мозга и вернуть подвижность нижним конечностям.

«**Шеррингтон**» — бланк, сокращающий количество повторений до возникновения устойчивых условных рефлексов, применялся для обучения солдат

«**Радиационный маньяк**» — бланк (эттерн), обеспечивающий наследственную невосприимчивость (очень низкую восприимчивость) к действию радиации

разовые бланки (не специфицированы): «Хрусталь», «Освежитель», «Агар-Агар»

Дроны

«**Доги**» — боевые дроны, подвижные огневые точки, напоминающие при движении собак, компонент комплекса «Паранджа»

«**Локальная независимость**» — дронный комплекс («Объединенные заводы охранных систем»), способный обеспечить защиту периметра поселений. Стандартная комплектация: от 24 до 128 дронов-пулеметов, 6 ракетных установок, комплексы мобильной разведки, комплексы дозарядки и ремонта, центр мобильного контроля и координации

«Шалуны» — вид дронов, обеспечивающих личную охрану, разработка «Корпорации роботизированных систем»

Источники, исторические события, обозначения

Закат — период эпохальных катастрофических событий, приведших к разрушению всех институтов цивилизации

Манчестерский протокол, также Протокол — международный документ, регламентирующий полный запрет ядерного оружия, а также изоляцию секторов и полную изоляцию в случае биокатастроф

«**Генная логика**» — группа компаний, главный производитель и поставщик геммов (см.) для расы экзо (см.)

«**Корпорация роботизированных систем**», также Корпорация — крупнейшая корпорация эпохи Заката

«**Наноздоровье**» — группа компаний, главный производитель и поставщик нанороботов (см.) для расы нано

«**Объединенные заводы охранных систем**», она же ОЗОС — международная корпорация, находившаяся в секторе XSI Мегалополиса Дрездена

Прочее

наноасфальт — наноматериал, высокотехнологичный асфальт с возможностями самовосстановления, изобретенный до Заката

«**пушок**» — нанонаркотик

«**Семя погибели**» — дочерний вирус (из других источников «Оборотень экстра»)

чума-74 — вариант базовой чумы, возбудитель — модифицированная бактерия иерсиния пестис биовар-74 семейства энтеробактерий

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ПРИЗЫВ	7
Часть вторая. ТАКТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ	113
<i>Интерлюдия. ЧАСОВНЯ</i>	270
Часть третья. КАЖДЫЙ ЗА СЕБЯ	273
<i>Эпилог</i>	338
Термины, названия и понятия, используемые в романе	341